

Р.В. Любарский
R.V. Lubarsky

ПОЭТИКА ЦИКЛА РАССКАЗОВ ЕВГЕНИЯ ЗВЯГИНА «БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ»

THE POETICS OF EVGENY ZVYAGIN'S CYCLE OF SHORT STORIES "WANDERING LIGHTS"

Евгений Звягин – один из значимых представителей ленинградского андеграунда конца XX – начала XXI веков. Его рассказы и повести печатались в журналах «Часы», «Нева», «Континент», «Звезда», «Родник», «Аврора» и других. В статье исследуется поэтика цикла рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни». Научная новизна состоит в том, что впервые предпринято изучение произведений Евгения Звягина в контексте историко-литературного процесса. Цель статьи – рассмотреть поэтику «Блуждающих огней» неотрывно от основных мотивов и образов классической литературы. Предпринято изучение образов бесприютных персонажей в рассказах «Без названия», «Точильщик», «Блуждающие огни», «Внутри» и «Монологист». В рассказе «Блуждающие огни», с одной стороны, отмечена постмодернистская ирония, деконструирующая принципы жизни маленького человека, с другой – элемент мистического реализма, основанного на древнегреческом мифе об ожившей статуе Пигмалиона – Галатее. В рассказе «Без названия» рассмотрен мотив неприкаянности, основанный на соответствующем ему образе главного героя, а также авторское обыгрывание незначительности его существования. Актуализировано сочетание образа «маленького человека» и постмодернистского освоения Евгением Звягиным нонселекции, выражающейся в эпистемологической неуверенности. В свою очередь, в «Точильщике» изучен нестандартно воплощенный автором мотив неприкаянности: в произведении актуализируется психически дестабилизированный персонаж, неординарность которого воплощена абсессивно. Показана метафорическая адаптация Евгением Звягиным душевной ограниченности персонажа, являющейся элементом «футлярной поэтики» «Монологиста». Подчеркнута специфика ухода от повседневности с помощью внутреннего диалога «монологиста». Исследован художественный диалог рассказа «Внутри» и произведения А.П. Чехова «Человек в футляре» на основе актуализации «футлярности» главного героя. Сделан вывод о том, что воплощение традиционной для литературы поэтики маленького человека и «футлярной жизни», актуализирующей специфику отгораживания от окружающей среды. При этом архитектура цикла «Блуждающие огни» представляет собой выстроенную случайным образом галерею бесприютных персонажей, различными способами уходящими от неблагоприятной для них повседневности.

Ключевые слова: Евгений Звягин, «футлярная жизнь», «маленький человек», поэтика, цикл «Блуждающие огни».

Evgeny Zvyagin is one of the most significant representatives of the Leningrad underground of the late twentieth and early twenty-first centuries. His short stories and novellas were published in the magazines "Clock", "Neva", "Continent", "Star", "Rodnik", "Aurora" and others. The article explores the poetics of Evgeny Zvyagin's cycle of short stories "Will-o'-the-Wisps". The scientific novelty lies in the fact that for the first time the study of the works of Evgeny Zvyagin was undertaken in the context of the historical and literary process. The purpose of the article is to examine the poetics of "Will-o'-the-Wisps" inseparably from the main motifs and images of classical literature. The study of the images of homeless characters in the stories "Untitled", "Grinder", "Will-o'-the-Wisps", "Inside" and "Monologue" has been undertaken. In the story "Wandering Lights", on the one hand, there is a postmodern irony that deconstructs the principles of a little man's life, on the other – an element of mystical realism based on the ancient Greek myth of the animated statue of Pygmalion – Galatea. The story "Untitled" examines the motif of restlessness based on the corresponding image of the main character, as well as the author's play on the insignificance of his existence. The combination of the image of the "little man" and Evgeny Zvyagin's postmodern exploration of non-selectivity, expressed in epistemological uncertainty, is actualized. In turn, "The Grinder" examines the author's unconventionally embodied motive of restlessness: the work actualizes a mentally destabilized character, whose eccentricity is embodied absently. Evgeny Zvyagin's metaphorical adaptation of the character's mental limitations, which is an element of the "case poetics" of the "Monologue", is shown. The specifics of avoiding everyday life through the internal dialogue of the "monologue player" are emphasized. The artistic dialogue of the story "Inside" and the work of A.P. Chekhov "The Man in the Case" is studied on the basis of the actualization of the "case" of the main character. It is concluded that the embodiment of the poetics of the little man and the "case life", traditional for literature, actualizes the specifics of isolation from the environment. At the same time, the architecture of the "Will-o'-the-Wisps" cycle is a randomly arranged gallery of homeless characters who escape from everyday life in various ways.

Key words: Evgeny Zvyagin, "the life of a case", "the little man", poetics, the cycle "Wandering Lights".

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18

Евгений Звягин – прозаик, начавший свой путь в самиздате. Повести и рассказы, в частности, произведение «Записки сумасброда, или Корабль дураков» и «Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или Напиться на халяву» напечатаны в журнале «Часы». Также публиковался в журналах «Континент», «Родник», «Звезда», «Нева», «Аврора» и в других изданиях. С 1993 года является членом Союза Писателей Санкт-Петербурга. С. Павлова рассматривает Е. Звягина как элемента коммуникативной среды ленинградского андеграунда. Так, автор актуализирует его в контексте литературного объединения «"Поэты Малой Садовой" – Татьяна Буковская (1947 г. р.), Евгений Вензель (1947 г. р.), Евгений Звягин (1944 г. р.), Александр Миронов (1948 г. р.), Владимир Эрль (1947 г. р.)» [6, 47]. В связи с недостаточной освещенностью творчества Звягина в научной сфере, данная статья является новаторской: впервые предпринимается исследование поэтики цикла рассказов писателя. В свою очередь, цель статьи – рассмотреть поэтику «Блуждающих огней» неотрывно от основных мотивов и образов классической литературы. Важным аспектом, на наш взгляд, является исследование «Блуждающих огней» в контексте поэтики «футлярной жизни» и «маленького человека», которой посвящено немало научных публикаций. «Футлярная жизнь» актуализируется, в первую очередь, в трилогии рассказов А.П. Чехова. И.Х. Котиева подчеркивает ограниченность

«футлярных» людей: «Антон Павлович Чехов в своих произведениях выражает свое презрение к так называемому "Футляризму". Он ему противен и чужд, ведь Чехов не признает рамки, в которые вгоняют себя герои его произведений» [3, 39]. Однако аналогию футлярной жизни можно найти в зарубежных произведениях, в частности, в творчестве Кобо Абэ. Изучая роман «Человек-ящик», Д.А. Машукова делает вывод о том, что «Кобо Абэ заставляет читателя поверить в реальность вымышленного мира, понять психологию героя, оградившего себя картонной коробкой. Таким образом, К. Абэ создает образ «человека-ящика», который, с одной стороны выступает как аналог чеховского «человека в футляре», с другой, по иному смотрит на саму суть «футлярности»: для героя ящик становится возможностью самоидентифицироваться» [4, 136]. При этом проблема «маленького человека» присутствует, как в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, так и в более поздних текстах. Так, Н.Н.К. Гусейнова отмечает, что «критический реализм, ставший одним из основных направлений в литературе XX столетия, не может быть привлечен к полновесному исследованию без должного внимания к образам "лишнего" и "маленького" человека, к проблеме их своеобразия, связанного с конкретным литературно-историческим контекстом» [1, 245]. Пхэн Юэ вводит в контекст русской классики проблему маленького человека в творчестве китайской писательницы Чи Цзыцзянь. Так, «Чи Цзыцзянь через образы "маленьких" женщин показывает, что их нежное и чувствительное сердце перекликается с красотой природы. Однако угасание этой красоты и страдания женщин вызывают сожаление и боль» [7, 966].

Цикл рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни» состоит из пяти рассказов, в которые входят «Без названия», «Точильщик», «Блуждающие огни», «Внутри» и «Монологист». В первом предложении рассказа «Без названия» автор подчеркивает отстраненность главного героя – Сергеева от окружающей его действительности. Это достигается с помощью воспроизведения мнимости субъекта путем авторского отрицания его присутствия в повседневной реальности. Так, «никакого Сергеева никогда в жизни не было. Это не он слизывал шершавым своим языком с верхней губы некую солнечную муть, не он пробегал по весеннему граду по направлению, через парк...» [2, 28].

Подобное авторское отношение к персонажу коррелирует с эмоциональным состоянием самого Сергеева, вызванным неудовлетворенностью собственной жизнью. В связи с этим, «он загрустил, разнюнился, <...> наскреб пол-ладони мелочи вперемешку с просыпанным табаком, разным мелким свалевшимся сором и прочей чужью, оставляемой самим, как говорится, органическим процессом жизни, жизни печальной и долгой» [2, 28]. Детализация, служащая реалистическим средством изображения художественного мира (просыпанный табак, мелочь), свидетельствует о бедности героя, эпитет «печальная», в свою очередь, подчеркивает неустроенность Сергеева по отношению к повседневности. Поэтому он будто выпадает из нее, что Звягин передает с помощью художественной адаптации одной из ведущих концепции дзен – концепции «несуществования».

С точки зрения верования, человека, а также элементов повседневной реальности, не существует. Однако сутью всех вещей является постигаемая мистическим образом пустота. А.А. Медова в связи с этим, подчеркивает иллюзорность понятий человеческого «я» и души: «Аналогично рассматривается и то, что называется душой человека или "Я": нет как таковой сущности человека, нет постоянной души, которая имела бы ценность, есть лишь поток случайных состояний его психики, каждое из которых несубстанционально и обусловлено предшествующим состоянием» [5, 17].

В контексте рассказа Звягин адаптирует «несуществование» как ощущение бесприютности, отрешенности от мира, вызванной неопределенного рода жизненными коллизиями. При этом художественно воплощенная дзен-концепция представляет собой постмодернистское освоение автором нонселекции, выражающейся в эпистемологической неуверенности. Звягин сомневается в существовании собственного героя, из чего следует изображение неопределенности устойчивых представлений о жизни, центром которой является человек. Этому принципу соответствует семантика названия рассказа,

подчеркивающая незначительность описания происходящих в нем событий. Неустойчивость относительно жизни проявляется также в иллюзорности изображения связанных с Сергеевым атрибутов. Звягин поясняет: «В том-то, мастера, и трагичность жизни, что реальные детали ее, сколь настойчиво о них ни талдычь – слепая иллюзия, и даже вот факты средней величины – всего лишь сор на этой горжетке – ну, словом, один резон, если не сказать хуже, – пропил ли Сергеев свою мелочь на пиве, или отдал ее мимо шедшей нищенке» [2, 29]. О неустойчивости свидетельствует и эмоциональное состояние персонажа. Отметим: определенные составляющие окружающей среды вызывают у Сергеева чувство безразличия: персонаж замечает волосок и лоскут фанеры, отделившиеся в ходе драки шахматистов, после чего приходит к выводу, что они, выступающие в качестве одного из маркеров повседневности, значения не имеют. С безразличным отношением коррелирует негативная реакция на элементы повседневности: известная тюрьма-музей Петербурга вызывает у Сергеева отвращение.

Стоит отметить, что изображение дерущихся шахматистов – способ воспроизведения неблагоприятной окружающей среды, в которой Сергеев не находит себе места. Таким образом, уже в первом рассказе цикла возникает мотив неприкаянности, основанный на соответствующем ему образе главного героя. При этом авторское обыгрывание незначительности существования Сергеева (его мнимости, преуменьшения сопряженных с ним явлений: пропил ли он мелочь или отдал нищенке) также отчасти позволяет говорить о традиционном мотиве маленького человека в произведении «Без названия».

Мотив неприкаянности присутствует и в произведении «Точильщик». Он проявляется в специфическом взаимодействии главного героя (повествование ведется от первого лица) с действительностью. Персонаж испытывает ненависть ко всему, что связано с ней, тем самым открыто конфликтует с пространством, в котором он присутствует. Об этом свидетельствует актуализация его негативного эмоционального состояния на ведущих элементах повседневности: «Я ненавижу заплывающие цоколи домов (оближи – узнаешь, какие они на вкус), ненавижу деревья в корявых наростах старости, ненавижу ноздреватый, посыпанный солью наст. Когда я гляжу из окна на жирные тельца городских сизарей, мне хочется трахнуть себя молотком по щиколотке» [2, 31]. Ненависть служит катализатором искажения в восприятии персонажа объектов, его окружающих. Так, троллейбус, загорюничавший ему вид на точильщика, приобретает танатологический маркер и осознанно трансформируется в сопряженное со смертью транспортное средство. Следовательно, «водитель, медлительная скотина, лениво отковыривал приставшую к губе сигаретку, затапывал ее в грязный снег у поребрика, отвязывал толстую веревку от лесенки на корме катафалка» [2, 31].

Постоянное созерцание точильщика – навязчивая идея главного героя, вызванная деструктивным эмоциональным состоянием вследствие психической нестабильности. Наблюдение за точильщиком для персонажа – способ отвлечься от постоянной ненависти к производным окружающего мира. В свою очередь, о психической дестабилизации свидетельствует то, что точильщик «сводит с ума» наблюдателя, а также собственно речь главного героя: «Я стучу кулаками по подоконнику, или пытаюсь что-то смахнуть с лица, или разражаюсь неистовым плачем» [2, 31]. Сопряженная с точильщиком внутренняя дестабилизация созерцателя проецируется и на внешний мир. В связи с этим, в сознании персонажа происходит эстетизация безобразного: внешне непривлекательного лица точильщика, а также специфики его деятельности. Звягин пишет: «Жалкие! Взгляните на лицо! Сколько сладострастия таит этот масляный блин, весь в ямочках и лоснящихся утолщениях, когда он, ритмически покачиваясь, насилует своего рогастого друга!» [2, 32]

Автор показывает диалектику душевного состояния героя, в ходе которой ненависть и навязчивая идея наблюдать за точильщиком трансформируется в наивысшую форму проявления негативного состояния. Катализатором подобной метаморфозы послужил выход наблюдателя из больницы в день работы точильщика, которого не оказалось на месте. Расстройство персонажа по этому поводу связано с тем, что в больнице он поддерживал

собственную абсессию визуализацией неэстетичных привычек объекту своего созерцания. Так, «в больнице, где мое чувство несколько поутихло, я старался сберечь его тем, что вспоминал любимые привычки этого человека: зажав ноздрю пальцем, выдувать из другой сочную соплю, пробовать наточенную секиру ногтем, колупать болячку в углу небольшого рта» [2, 33]. Это обусловлено сильным желанием увидеть точильщика спустя полтора месяца, которое вступило в конфликт с независимыми от бывшего больного жизненными обстоятельствами.

Вышеописанный аспект катализировал в сознании персонажа слияние ненависти и возможного ее проявления, связанного со спецификой деятельности точильщика – точить ножи. Именно поэтому наблюдатель решается спустя продолжительное время подойти к точильщику с просьбой заточить лезвие. О недобрых намерениях «клиента» свидетельствует открытый финал, служащий аллюзией на предполагаемое убийство точильщика, которое представляет собой конечную стадию диалектики психически нестабильного героя. Звягин передает аллюзивное намерение покончить с точильщиком с помощью словосочетаний «дрожа от нетерпения» и «не почувствовал скрытой угрозы»: «Тупица! Он не почувствовал скрытой угрозы в моих словах. И вот я стою перед ним, дрожа от нетерпения, и неотрывно гляжу на лезвие ножа, на котором укрепились и сверкает, все разрастаясь, широкая зеркальная полоса» [2, 34]. Тем самым, мотив неприкаянности в «Точильщике» выражается Звягиным нестандартно: писатель изображает психически дестабилизированного персонажа, который несовместим с действительностью в виду своей ненависти к ней и собственной неординарности, воплощенной абсессивно.

Образ маленького человека в рассказе «Блуждающие огни» конструируется из нескольких элементов, подчеркивающих его незначительность. Обращаясь к читателю, Звягин изображает внешне непривлекательного персонажа, следуя традиции воплощения подобных образов В. Гюго («Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется»), Г. Леру («Призрак Оперы») и др. При этом внешность звягинского героя сопоставима с описанием Квазимодо («Собор Парижской богородицы», В. Гюго) в виду актуализации схожего с ним физического недостатка – горба, а также неправильной формы тела: «Вы когда-нибудь видели прыщавого горбуна? Перекособоченную станину венчала продолговатая ступа, украшенная длинным осклизлым носом; щеки усеяны словно мелкой малиновой ягодой» [2, 34]. Чтобы показать незначительность своего персонажа, автор вместо имени дает ему обозначение «Мистер Х». Стоит отметить, что «Мистер Х» – человек невысокого социального положения: он работает уборщиком мусоропровода, что косвенно свидетельствует и об отсутствии у него выдающихся способностей к более престижной деятельности. Звягин акцентирует внимание на бедности уборщика и довольствовании малом: неслучайно найденный в мусоропроводе корабль он забирает к себе и использует в качестве ночника.

Неприкаянность маленького человека выражена в двух аспектах: во-первых, в его одиночестве (автор подчеркивает, что в гости к «Мистеру Х» никто не заходил), во-вторых, в его взаимодействии с окружающими людьми. Уборщик мусоропроводов не уверен в себе, что и мешает ему завести отношения с девушкой, тем самым найти себе метафорическое пристанище в жизни. К примеру, он через мусоропровод наблюдал за десятиклассницей, но так и не решился с ней познакомиться: «Он впивался в заголившиеся пышные ее ноги зубами своих гляделок и не мог оторваться, пока сверху, с каких-то неверных высот ухающей трубы не упала и не разбилась, обдав его брюки до пояса, стеклянная реторта с какою-то мутною липкой жидкостью» [2, 35].

Также он наблюдал за богато одетой дамой, которую автор сравнивает с непокоримым для «Мистера Х» Эверестом: «Как далека казалась она ему, как безнадежно желанна! Никогда не взобраться ему на сей человеческий Эверест!» [2, 35]. Бесприютность героя, выраженная в его невозможности взаимодействовать с противоположным полом – он мог только лишь наблюдать – основана на неравенстве их социального положения, а также на уродстве уборщика, которые вступают в бинарную оппозицию с красотой и богатством

девушек. Тем самым, дамы, за которыми наблюдает персонаж, олицетворяют лучшую для него жизнь, которую он не может получить в связи с вышеописанными обстоятельствами, что говорит о неустроенности горбуна по отношению к повседневности, имевшей место быть в произведении «Без названия». Невозможность получить желаемое вызывает у него негативные эмоции, что говорит о невыносимости подобного существования: «Придя в исступление, он в клочья рвал и разбрасывал по комнате драгоценные тома Гуттенберга, дырявил рисунки Серова и Добужинского. Обессиленный, всхлипывал на своем жарком ложе» [2, 36].

Невозможность быть вместе с девушкой воплотилась в его сознании наиболее коррелирующим с его неуверенностью и жизненной неустроенностью образом: желание иметь возлюбленную горбун мысленно переносит на свадебную куклу, прикрепленную к автомобилю. Неслучайно с помощью олицетворения Звягин показывает, как в сознании уборщика кукла приобретает черты живого человека: «Она сидела на капоте автомобиля, бесстыдно оголив маленькие прочные ножки. Розовый кипень платица облекал ее субтильный крепенький стан; ручки, голые и такие трогательные, она протянула к нему, вслед за голубым, неподвижным, но нежным взглядом» [2, 36].

В финале рассказа Звягин пишет, что «повесть о том, как она, поначалу заостенелая и холодная, постепенно начала оживать и любить, мы расскажем в другой раз» [2, 36]. Автор, с одной стороны, использует постмодернистскую иронию, деконструирующую принципы жизни обыкновенного человека, отрывая его от повседневности и перенося в мир грез; с другой – вводит элементы мистического реализма, основанного на древнегреческом мифе об ожившей статуе Пигмалиона – Галатее.

В центре внимания рассказа «Внутри» – поэт. Звягин включает его в единую образную систему цикла «Блуждающие огни» как персонажа одинокого и невыдающейся внешности: «Вида он был совсем неказистого: худенький, невысокорослый» [2, 38]. При этом актуализация неустроенности поэта осуществляется благодаря присущему ему эпитету «несчастный» и упоминания тоски в глазах. Однако, чтобы показать отрешенность героя от повседневного мира, Звягин художественно моделирует чеховскую поэтику «футлярной жизни». Один из «футлярных героев» Беликов «носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний» [8, 159]. Поэт избегает окружающего мира, подобно чеховскому Беликову («Человек в футляре»), существующему в своем футляре, в котором он прячется от реальности.

Однако звягинский герой отгораживается от мира по-другому: в качестве футляра поэт использует памятник Барклаю-де-Толли, проникнув в который через дверцу, он отрешается от связанных с тоскливой жизнью мыслей. Однако звягинская актуализация памятника как пальто с капюшоном поэта вступает в художественный диалог с чеховским Беликовым, создающим себе «скорлупу» из одежды. Так, поэт «надел, стало быть, на себя литого болвана, вроде пальто с капюшоном» [2, 38]. В финале произведения Звягин воссоздает присущий мистическому реализму открытый финал с помощью риторических вопросов, тем самым изображая неопределенность по отношению к судьбе поэта: дверцу в памятники заделали, следовательно, остался ли там поэт или нет. Таким образом, мотив неприкаянности в данном произведении реализуется с помощью художественно адаптированной поэтики воспроизведения «футлярной жизни».

В «Монологисте» показан одноименный персонаж, который по аналогии с горбуном («Блуждающие огни») и Сергеевым («Без названия») «бессеребрян», и вместе с тем, находящийся в неблагоприятном душевном состоянии, которое автор передает метафорически: «А душа, черт ее, бултыхается в стеклянной запаянной трубке. Ходила такая игрушка в начале века – бесенок в жидкой среде, "американский житель"» [2, 40]. Звягин, как и в произведении «Внутри», воспроизводит «футлярную жизнь»,

но применительно к душе монологаиста. Об этом свидетельствует метафорическая адаптация автором душевной ограниченности, являющейся элементом «футлярной поэтики». При этом автор сближает негативное состояние души с составляющей окружающего мира – погодой. Внутренний мир главного героя находится в тесном взаимодействии с внешним: проявление повседневности становится частью его самого. Звягин отмечает: «Снег усилился, потеплело. Но не на душе – там все такая ж зыбкая темь. Погодные условия оказывают чрезвычайное влияние на душу монологаиста. Будучи по природе своей созерцателем, он весь проникается доминантою внешних сил, и тщательно культивируемая праздность фокусирует, как большущая линза, простые сигналы окружающего, которые для иного персонажа – лишь фон» [2, 42].

Подобный феномен пробуждает внутренний диалог, который представляет собой своеобразный уход от тоскливой и рутинной повседневности, которую созерцает монологаист. Ограниченность души персонажируется в качестве отмеченного ранее «американского жителя», с которым и ведется разговор со стороны главного героя. В рассказе находим: «– Господи, – слышен явственный голос "американского жителя", – тоска-то какая зеленая! Снег зеленый? – Зеленый, зеленый! – отвечает монологаист. – Да мы не дальтоники ли? Нет, смеркается. Только что вышли на улицу, а свет уже меркнет. Как жить? – А через не хочу, как жил господин Фаберже» [2, 42]. Отсутствие света, связанного с особенностью зимнего периода, упоминание тоски, а также вопрос «Как жить?» контекстуально передает неблагополучность жизни монологаиста, что является поводом для диалога с «американским жителем». При этом разговор с самим собой определяет семантику именования главного героя, таким образом ведущего монологическую речь.

В целом, архитектура цикла «Блуждающие огни» представляет собой выстроенную случайным образом галерею бесприютных персонажей, различными способами уходящими от неблагополучной для них повседневности: Сергеев (несуществование), герой «Точильщика» (созерцание заточки ножей), «Мистер Х» (жизнь с фигуркой девушки), поэт (присутствие внутри памятника), монологаист (внутренний диалог). При этом, чтобы показать их отрешенность от жизни, автор воплощает традиционную для литературы поэтику маленького человека и «футлярной жизни», актуализирующую специфику отгораживания от окружающей среды. Изображение персонажей и художественного мира основаны на реалистической детализации, подчеркивающей статус человека; элементах мистического реализма, а также на постмодернистской нонселекции и иронии, которые способствуют воссозданию оторванного от повседневности персонажа.

1. Гусейнова Н.Н.К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 241–245.
2. Звягин Е. Утешительные итоги. Рассказы, эссе. СПб., 2011.
3. Котиева И.Х. Футлярная жизнь в «маленькой трилогии» А.П. Чехова // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 2 (11). С. 38–39.
4. Машукова Д.А. Жизнь в ящике как аналогия «футлярной» жизни в романе К. Абэ «Человек-ящик» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6–3 (96). С. 135–137.
5. Медова А.А. Модальная природа сознания: на примере концепций дзен и чань буддизма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1 (107). С. 16–22.
6. Павлова С. Ленинградский литературный андеграунд как культурный феномен: специфика формирования и функционирования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 2. С. 47–49.
7. Пхэн Юэ. Концепция «маленького человека» в романе Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» в контексте русской литературной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 961–968.
8. Чехов А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. М., 1983.

1. Guseynova N.N.K. Obrazy «malen'kogo» cheloveka i «lishnego» cheloveka v literature XIX veka // *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2020. T. 9. № 3 (32). S. 241–245.
2. Zvyagin E. Uteshitel'nye itogi. Rasskazy, esse. SPb., 2011.
3. Kotieva I.Kh. Futlyarnaya zhizn' v «malen'koy trilogii» A.P. Chekhova // *Vestnik nauki*. 2019. T. 2. № 2 (11). S. 38–39.
4. Mashukova D.A. Zhizn' v yashchike kak analogiya «futlyarnoy» zhizni v romane K. Abe «Chelovek-yashchik» // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2020. № 6–3 (96). S. 135–137.
5. Medova A.A. Modal'naya priroda soznaniya: na primere kontseptsiy dzen i chan' buddizma // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1 (107). S. 16–22.
6. Pavlova S. Leningradskiy literaturnyy andegraund kak kul'turnyy fenomen: spetsifika formirovaniya i funktsionirovaniya // *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhizn'yu peterburzhtsev*. 2004. № 2. S. 47–49.
7. Pkhen Yue. Kontseptsiya «malen'kogo cheloveka» v romane Chi Tszyszyan' «Pravyy bereg reki Argun'» v kontekste russkoy literaturnoy traditsii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2025. T. 18. № 3. S. 961–968.
8. Chekhov A.P. *Dom s mezoninom: Povesti i rasskazy*. M., 1983.

Информация об авторе

Руслан Васильевич Любарский,
МБОУ «Гимназия № 5» города Брянска.
241035, Россия, Брянская область,
Брянск, микрорайон Московский, 56
Кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы.
Научные интересы: постмодернизм, рок-поэтика.
ORCID ID: 0000-0002-9129-0124
SPIN-код: 8674-8253, AuthorID: 846696
E-mail: ludmila12a@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.03.2026;
одобрена после рецензирования 11.05.2026;
принята к публикации 11.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Ruslan V. Lyubarsky,
Gymnasium No. 5 of the city of Bryansk.
Bryansk region, 241035, Russia, Bryansk,
Moskovsky microdistrict, 56
Candidate of Philological Sciences,
teacher of Russian language and literature.
Scientific interests: postmodernism, rock poetry.
ORCID ID: 0000-0002-9129-0124
SPIN code: 8674-8253, AuthorID: 846696
E-mail: ludmila12a@rambler.ru

The article was submitted 22.03.2026;
approved after reviewing 11.05.2026;
accepted for publication 11.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Любарский, Р.В. Поэтика цикла рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни» // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 11–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18.
For citation: Lubarsky, R.V. The poetics of Evgeny Zvyagin's cycle of short stories "Wandering Lights" // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 11–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18.

Права: © Р.В. Любарский (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).